

О. В. СИНИЦЫН

НЕОКАНТИАНСТВО НЕМЕЦКОЕ И РУССКОЕ: ОТ МЕТОДА «НАУК О КУЛЬТУРЕ» К СПЕЦИФИКЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

В статье характеризуются общие черты и особенности двух вариантов неокантианской методологии в немецкой и русской исторической мысли конца XIX–начала XX в. Особое внимание уделяется концепциям специфики исторического познания Г. Риккерта и А.С. Лаппо-Данилевского.

Ключевые слова: неокантианство, методология, историческое познание, биографический метод, номотетический метод, идеализм, субъективизм, историзм.

Тема и название данной статьи обусловлены прошедшей 29-31 мая 2008 г. в Москве первой в России международной научной конференцией, специально посвященной неокантианству («Неокантианство немецкое и русское: от логики познания к “социальной педагогике”») и вышедшей по ее итогам одноименной монографией¹.

Во введении этого издания обоснованно отмечается, что «долгое время неокантианство считалось перевернутой страницей истории философии, вызывающей в лучшем случае “архивный” интерес. Поэтому, когда современная философия столкнулась с фактом свершившегося в конце XX века “переоткрытия” и возрождения неокантианской мысли, перед исследователями возникла проблема, состоящая не только в теоретическом обосновании этого факта, но и в определении дальнейших теоретико-методологических перспектив исторического опыта этого философского течения»². В дополнение к этому можно присоединиться к мнению авторов одной из рецензий на указанную книгу В.Н. Белова и В.А. Дудышкина: «наличие такого “сегмента” общего неокантианского направления, как русское неокантианство, предоставляет отечественным философам шанс на достойное участие в начавшемся процессе систематического исследования неокантианства»³.

Исторически все школы неокантианства в своих построениях находились в зависимости от той или иной интерпретации Канта, того или иного понимания его системы. Условность наименований скрывается под

---

¹ Неокантианство немецкое и русское... 2010.

² Там же. С.7.

³ Белов, Дудышкин. 2012.

приставкой *neo* – что в принципе должно истолковываться с тем смыслом, который имеет отрицательная частица *ne-*: неокантианство – это, по философской сути, *не кантианство*. С этих позиций и нужно подходить как к общему, так и к особенному в немецком и русском неокантианстве.

Возникновение русского неокантианства, как и немецкого, обусловлено рядом общеевропейских и мировых социокультурных процессов. Вторая половина XIX в. была ознаменована быстрым развитием естественных наук, что требовало мировоззренческого осмысления. Первыми на это откликнулись позитивизм и материализм, влияние которых на общее мировоззрение в России было повсеместным. Им отдали дань такие в будущем их противники, как В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А.А. Богданов, Л.П. Карсавин, Д.М. Петрушевский и др. Однако ограниченность позитивистских и материалистических объяснений прогресса естественных наук была очевидной; неокантианство возникает как одна из идеалистических альтернатив.

Однако, объясняя причины возникновения неокантианства, необходимо иметь в виду и специфически российское основание, которое опосредовалось русской религиозной философией – самой представительной и авторитетной школой русской философии, которая, как и неокантианство, с идеалистических позиций объясняла происходящее в жизни человека и человечества. Неокантианство в России оказалось между позитивистско-материалистическим и религиозно-философским объяснением объективной реальности. Материализм и позитивизм, абсолютизовавшие действительность, – вера в себя, в вещь – и религиозная философия, – вера в потустороннее, в Бога – были одинаково неприемлемы критическому духу неокантианства, которое направляло свои усилия на действительную трансцендентность, на априорные, разумные, рациональные основания человеческого бытия. В русской истории философии отсутствовала глубокая традиция гносеологического обсуждения философских проблем, не было своих классиков типа Декарта, Фейербаха, Канта и Гегеля, поэтому, если в Германии распространение неокантианского гносеологизма воспринималось как попытка отстаивания самостоятельности и самобытности философии, то в России такая «редукция» мировоззренческого осмысления к гносеологической проблематике оценивалась не иначе, как постановка новых философских задач.

По Гегелю, новые философские системы не уничтожают принципов старых, а только показывают, что эти принципы не были последними, не были абсолютным определением, все обнаруживают бедность по сравнению с богатством вселенной. Так, и неокантианство лишь по-другому

поставило и решило важнейшие для научного знания вопросы, примыкающие в главном к учению Канта. В то же время, в неокантианстве мы имеем, собственно говоря, не одного Канта, а двух, – именно, Канта «Критики чистого разума» и Канта «Критики практического разума», которых можно или соединить, или противопоставить. Поэтому в неокантианстве встречаются представители, порой, противоположных взглядов. Лозунг Ф. Ланге и О. Либмана «Назад к Канту» В. Виндельбанд трактовал так, что «чем больше понимаешь антагонизм между различными мотивами его мышления, тем больше находишь в них средств для обработки тех проблем, которые Кант создал своими ответами. Понять Канта, значит выйти за его пределы»⁴. Этот выход «за пределы Канта» в неокантианстве был различным, а поэтому до конца XIX – начала XX в., в период кризиса позитивизма и подъема материализма, марксизма, он был *многовариантным* и пестрым, несмотря на гносеологическую общность.

Рассмотрим основные черты немецкой Баденской школы неокантианства.

Предметом познания, согласно В. Виндельбанду, является не действительность, а лишь определенные правила соединения между собой представлений, которые люди должны произвести для того, чтобы мыслить правильно. При этом, в качестве высшего критерия выносятся истина как высшая ценность. Высшие ценности – истина, благо, красота и святость – являются надвременными, внеисторическими принципами, определяющими общий характер человеческой деятельности. Эти ценности субъективно осознаются как нормы безусловного долженствования.

Г. Риккерт в своей теории познания исходил из принципов, выдвинутых Виндельбандом. «К понятию познания, – указывал Риккерт, – принадлежит, кроме субъекта, который познает, предмет, который познается. Под предметом понимается то, что противостоит субъекту как нечто независимое от него и именно в том смысле, что познание должно направляться на него, если оно хочет достигнуть своей цели»; цель же познания заключается в том, чтобы быть объективным. Источником объективности и критерием истинности познания выступают, по Риккерту, «идеальные нормы и ценности, трансцендентное долженствование [независимое от сознания – *О.С.*], признание и осуществление которых в суждении и составляет сущность познавательного процесса»⁵. Риккерт, как и Виндельбанд, специально критикует теорию отражения. Познание, по его мнению, не может быть представлением, отражающим

---

⁴ Виндельбанд. 1904. Предисловие автора.

⁵ Риккерт. 1904. С. 179-189, 211, 256-257.

действительность, так как действительность – «необозримое многообразие», которое невозможно отобразить представлением. Всякое познание выделяет из «необозримого многообразия» только малую часть воспринятого – что, конечно, нельзя считать отражением.

В теории познания Риккерта (как и Виндельбанда) видно влияние идей Фихте. Он признает только одну действительность, одно бытие, эмпирическую действительность, имманентную сознанию как единство формы и содержания, содержание охвачено формой – в содержании. Отсюда же отождествление истинности и ценности. Не ценность или долженствование обуславливают истину, наоборот, *истинность* суждений имеет для нас *ценность*. Теория познания пролагает путь к миру ценностей, как к целому, поскольку он устанавливает это понятие. Для того, чтобы вскрыть все многообразие ценностей, теория познания должна обратиться к той науке, которая изучает культуру как действительность, выявляя ее богатство и многообразие. Наука эта – *история*⁶.

Итак, все проблемы теории познания, поднятые в рассуждениях Риккерта, привели его к проблемам исторических наук. Если теория познания Баденской школы неокантианства пользовалась влиянием в среде философов (в России – это А.И. Введенский), то теория и методология истории, созданная представителями этой школы, получила настолько широкое распространение и поддержку среди историков, философов, социологов, юристов, что позволяет нам говорить о возникновении *неокантианского течения* в методологии истории и даже шире в *методологии гуманитарных, обществоведческих наук*. Чтобы выяснить сущность и ценность исторических наук, Риккерт и приступил к исследованию границ естествознания. Он начинает свое исследование с обычного понятия телесной действительности, которая противостоит человеку и на которую направляется его познание. Эта действительность дается нам как необозримое множество образований в пространстве и во времени, образований, отличающихся друг от друга количественно и качественно. Поскольку познание направлено на целое действительности, оно представляется нам как экстенсивное многообразие, поскольку же оно направлено на своеобразие каждого отдельного образования оно представляется интенсивным образованием⁷.

Познание действительности возможно, только если это экстенсивное и интенсивное многообразие будет каким-либо образом преодолено. В этом преодолении многообразия и заключается задача и функция есте-

---

⁶ Риккерт. 1910. С. 1.

⁷ Риккерт. 1903.

ественнонаучного понятия в целях познания телесного мира. Метод естествознания – метод создания общих понятий, в этих понятиях уже не предусматривается экстенсивное и интенсивное многообразие эмпирической действительности. Метод естествознания – это метод генерализирующего образования понятий. Поэтому понятия, полученные методом естественных наук, совершенно отличаются от той действительности; чем дальше идет такое образование понятий, тем дальше отходит естествознание от действительности, так как эмпирическая действительность только единична, в ней нет ничего общего. Таким образом, действительность, согласно Риккерту, существует только как совокупность единичных явлений. Общее как совокупность естественнонаучного понятия не отражает и не может отражать действительности, так как общего вообще нет в действительности. Но в общем, как в продукте генерализирующего метода, для Риккерта выражен закон природы. При этом закон природы, не является законом действительности, он только «*значит*» и обусловлен трансцендентным долженствованием. Индивидуальное, единичное во всем его своеобразии, считал Риккерт, представляет собой предмет особой науки: «исторической науки. История как наука начинается там, где прекращается естествознание»⁸. Двигаясь далее в русле Виндельбанда, Риккерт писал, что принципиальное различие между науками о природе и историческими науками обусловлено различием *методологическим*. Эмпирическая действительность одна: «Она становится природой, если мы рассматриваем ее, имея в виду общее, она становится историей, если мы рассматриваем ее, имея в виду особенное, индивидуальное». Основное различие в методах этих двух наук нужно искать в том, что делают различные понятия с этой действительностью: ищут ли они общее и во всех отношениях недействительное, или же индивидуальное в действительности? У естествознания первая задача, у истории – вторая⁹.

Согласно Риккерту, наряду с генерализирующими науками о природе существуют научные дисциплины, рассматривающие объекты природы индивидуализирующим способом через косвенное отнесение к ценностям (геология, география и т.д.). И, напротив, явления культуры можно рассматривать генерализирующим способом (юриспруденция, языковедение и т.д.), что в терминологии Р.Дж. Коллингвуда носит название – квазиисторические науки о природе и квазинаучные исторические дисциплины. Но тут же, противореча себе, Риккерт категорично заявил: «...история, которая трактует о людях, их учреждениях и деяниях может

---

⁸ Там же. С. 273.

⁹ Там же. С. 224.

быть названа лишь *индивидуализирующей наукой*, если мы будем иметь в виду ее последние цели. Целью ее всегда является изображение единичного более или менее обширного хода развития во всей его единичности и объекты ее либо сами суть явления культуры, либо находятся в каком-нибудь отношении к культурным ценностям»¹⁰. Тем самым, заключал Риккерт, в научной обработке действительности история принципиально отличается от естественных наук. Профессиональный историк стремится понять предмет как единое целое, в его индивидуальности, единственности и неповторимости. Но, если история должна излагать только единичное, индивидуальное, то она должна ограничиться *частью* действительности, так как она не может охватить все необходимое многообразие единичностей исторических явлений. Каков же критерий отбора? Риккерт решал проблему следующим образом: нужно выделить существенное и отбросить несущественное. Что же является существенным индивидуального, которое выделяется как отличающееся от других индивидуальностей? Тем существенным, чем индивидуальное выделяется как предмет истории, оно обязано *ценности*. Единство исторического индивидуума покоится на *отношении к ценности*: «Мы выделяем, при образовании исторических понятий, из необозримого многообразия эмпирической действительности только то, что имеет отношение к ценности»¹¹. Поэтому образование исторических понятий есть «телеологическое образование понятий». Итак, науки делятся (классифицируются) с точки зрения познавательных приемов (образования понятий) на науки об общем – номотетические и на науки о единичном, индивидуальном – идиографические, на науки о природе и науки о культуре. В целом, эта классификация сугубо методологического характера.

В самом начале 1900-х гг. неокантианство в России оказало уже заметное воздействие на умонастроения и теоретические построения философов, историков, политологов, юристов, экономистов и др. Большую роль в этом процессе сыграл журнал Московского психологического общества «Вопросы философии и психологии». Хотя он предоставлял свои страницы ученым различных теоретико-методологических ориентаций, в конце XIX – начале XX в. кантианская и неокантианская проблематика становилась все более определяющей. Не случайно главный редактор журнала Н.Я. Грот, оценивая заслуги Канта и возрождавшийся на глазах интерес к его идеям, отмечал еще в 1894 г.: «Кант открыл новую эпоху в истории философии, продолжающуюся и поныне»¹². Из номера в номер

---

¹⁰ Риккерт. 1908. С. 74.

¹¹ Риккерт. 1903. С. 337.

¹² Грот. 1894. С. 233.

на страницах журнала «Вопросы философии и психологии» Ю. Айхенвальд, С. Аскольдов, Н. Бердяев, А. Богданов, Е. Боричевский, С. Булгаков, А. Введенский, А. Дживелегов, М. Каринский, Б. Кистяковский, Д. Койген, Г. Шпет, Б. Яковенко и другие признавали неокантианство ведущим философским течением в российской науке конца XIX – начала XX в. Так, известный философ Л. Лопатин в 1906 г. в статье «Типические системы философии» отмечал, что «в наши дни, благодаря широкому распространению теории познания Канта, его, пожалуй, нужно считать господствующим философским воззрением, хотя это и не всеми сознается»¹³, а С. Булгаков с убеждением и удовлетворением подчеркивал, что то «течение философской мысли, которое носит название неокантианства <...> оказало и оказывает уже благодетельное влияние»¹⁴.

Эти настроения российских историков, философов, юристов ярко проявились при подготовке сборника научных статей под красноречивым названием «Проблемы идеализма», вышедшего из печати в 1902 г. в Москве в издательстве Московского психологического общества. В предисловии к сборнику его редактор П.И. Новгородцев прямо заявил, что «позитивные построения не выдержали и не могли выдержать испытаний возросшей мысли: перед лицом сложных и неустранимых проблем нравственного сознания, философской любознательности и жизненного творчества они оказались недостаточными. Необходим свет философского идеализма, чтобы удовлетворить эти новые запросы»¹⁵.

Все авторы сборника единодушно заявили о приверженности идеализму. Их кредо – теоретико-познавательный критицизм. Как отмечал в рецензии на этот сборник Н. Рожков, «имена Виндельбанда и Риккерта окружаются в “Проблемах идеализма” особым ореолом, а их выводы объявляются каким-то откровением истины, новым светом, воссиявшим в общественной философии и теории исторического познания»¹⁶.

Почти все российские интеллектуалы, собравшиеся в сборнике, находились под «обаянием» философии Канта. С. Франк писал, что вся «современная философская мысль опирается на Канта», Н. Бердяев утверждал, что всю историю «можно построить, только опираясь на Канта», поскольку только «Кант признает абсолютную ценность за человеком», а А.С. Лаппо-Данилевский отдавал ему должное за то, что Кант «озарил ярким светом <...> демаркационную линию, отделявшую самопроиз-

---

¹³ Лопатин. 1906. С. 273.

¹⁴ Булгаков. 1906. С. 461.

¹⁵ Предисловие // Проблемы идеализма... 1902. С. IX.

¹⁶ Рожков. 1903.

вольную деятельность нашей души от испытываемых нами ощущений»¹⁷. Российские последователи Канта всемерно подчеркивали огромное значение той работы, которую провели и проводят их немецкие единомышленники по возрождению критической философии кенигсбергского мыслителя. Так, Бердяев, назвав превосходной книгу В. Виндельбанда «Прелюдии», писал: «Виндельбанд дает самое классическое и изящное истолкование кантианства в духе теологического критицизма». Новгородцев высоко оценил работы Зиммеля, Ксенополя и, в особенности, Риккерта, «недавно закончившего свое замечательное сочинение по теории исторического познания». По его же словам, «...Виндельбанд и Риккерт блистательно разрешили задачу размежевания истории и естествознания», и теперь уже невозможно говорить «о способности истории, в каком бы усовершенствованном виде она ни предлагалась, предсказывать будущее»¹⁸. Эти же настроения разделяли Б.А. Кистяковский, С.А. Аскольдов, С. Трубецкой, А.С. Лаппо-Данилевский.

Судьба неокантианства в России была противоречивой. С одной стороны, оно стояло в центре методологических дискуссий первой четверти XX в. и во многом определяло ведущее место неокантианских идей в методологическом перевооружении; с другой, вряд ли можно найти – особенно в среде отечественных историков – явных сторонников неокантианской методологии истории риккертского типа. Обнаружив определенное влияние немецкого неокантианства, российские историки и философы заняли критическую позицию в отношении ряда его положений. В результате в историко-философской мысли России сложилась своеобразная ситуация: пересматривая теоретические установки позитивистской историографии и марксизма, русские мыслители подвергали критике и некоторые основополагающие принципы немецкого идиографизма.

Активная дискуссия развернулась вокруг вопроса о методе гуманитарных наук, в первую очередь, исторической науки. Если немецкие теоретики отстаивали строгое разграничение наук о природе (естественных) и наук о культуре (гуманитарных), то российские ученые вносили коррективы (уточняли) это разграничение. Их интересовала, главным образом, специфика познания в истории. А.С. Лаппо-Данилевский не раз отмечал, что науки, имеющие различное содержание, не должны вследствие этого различаться и по своим методам, ибо дело не в содержании наук, как думали Виндельбанд и Риккерт, а в том, с какими методологическими установками исследователь подойдет к этому содер-

---

¹⁷ Бердяев. 1902. С. 94; Лаппо-Данилевский. 1902. С. 405.

¹⁸ Новгородцев. 1902. С. 239, 261.

жанию. По его убеждению, и в развитии человеческих обществ есть однообразные и повторяющиеся моменты, поддающиеся номотетическому изучению: «резко различая “естествознание” от исторической науки, основатели идиографического построения забывают, что некоторые отрасли “естествознания” пользуются принципами, общими с теми, которые употребляются историками, не говоря о том, что вышеуказанная терминология представляется во многих отношениях искусственной... Принимая во внимание фактическое содержание наук, можно сказать, что история, подобно естествознанию, в сущности, может иметь дело с относительными обобщениями, хотя бы потому, что историк, за отсутствием нужных ему относительных понятий, сам вырабатывает их применительно к изучаемым им объектам и в зависимости от тех именно познавательных средств, которые он преследует»¹⁹.

Здесь Лаппо-Данилевский подошел к центральной для «критической философии истории» (особенно немецкого неокантианства) проблеме – роли категории ценности в историческом знании. Как известно, категория ценности пронизывала всю философию Риккерта. Посредством этой категории он пытался осмыслить весь комплекс философско-исторических проблем – классификацию наук, интерес историка к индивидуальному, возможности и принципы достижения объективной истины в исторической науке. Разделяя ряд положений неокантианской теории ценностей, Лаппо-Данилевский выступил с критикой риккертского ценностного подхода к истории, предложив свое осмысление этого важнейшего принципа, определяющего специфику исторического познания. Он связал категорию ценностей с понятиями об исторической связи и об историческом целом.

С точки зрения Риккерта, над миром действительного бытия надстраивается высшая сфера самодовлеющих и свободных от какого бы то ни было отношения к бытию ценностей, образующих царство трансцендентного смысла. Но если ценность надисторична, то и критерий отбора фактов лежит вне самой истории, а значит, риккертская методология истории носит антиисторический характер.

В «Методологии истории» Лаппо-Данилевский выступил против антиисторизма неокантианской теории ценностей. Он видел недостаток аксиологического учения Риккерта в том, что немецкий философ относил все факты прошлого лишь к абсолютной трансцендентной ценности и понятие исторического значения устанавливал в зависимости от одной только ценности индивидуального. Лаппо-Данилевский, глубже осмыс-

---

¹⁹ Лаппо-Данилевский. 1910. С. 289-290.

лив место категории ценности в теории исторического познания, предлагал различать абсолютную ценность (обоснованную) и общепризнанную (относительную). Два типа ценностей различаются, с его точки зрения, тем, что «отнесение к обоснованной ценности требует обоснование той производной ценности, в отношении к которой отдельным фактам приписывается известное значение, а отнесение к общепризнанной данным обществом ценности предполагает только наличие ее признания в той самой общественной группе, которая изучается историком»²⁰. Отнесение к общепризнанной ценности необходимо, согласно Лаппо-Данилевскому, для выяснения, в какой мере обоснованные ценности стали исторической действительностью, т.е. в какой мере они действительно признавались той общественной группой, которую изучает историк. Поправляя Риккерта в его одностороннем установлении понятия исторического значения только в зависимости от ценности индивидуального, Лаппо-Данилевский писал: «собственно-историческое значение ценной своеобразной единичности тесно связано и с понятием о действительности индивидуального в его реальном отношении как части к историческому целому». Отсюда, Лаппо-Данилевский выводил новые принципы идиографии – *ценности и действительности* исторических фактов. Ценность в учении российского неокантианца тем полнее реализуется, чем больше имеет последствий факт, в котором она воплотилась. «Лишь в том случае, если факт окажет реальное действие на развитие человечества, – писал он, – и его последствия (путем отнесения к данной культурной ценности) будут признаны имеющими некоторую ценность, он получит и собственно историческое значение»²¹. Таким образом, историк судит об историческом значении индивидуального не только по ценному его содержанию, но и по его действительности, т.е. по объему его влияния: принимая во внимание реализацию ценности в действительности, он получает возможность рассматривать вневременную ценность в данных условия пространства и времени.

Аналогичной точки зрения придерживались Н.И. Кареев, Д.М. Петрушевский, М.М. Хвостов и другие российские историки. В одной исторической работе перевесят теоретические обобщения, в другой – чисто фактический материал. Но этот перевес индивидуализирующего или генерализирующего элемента не создает между ними принципиального различия, не проводит между ними методологической границы. Такова была позиция отечественных историков-методологов, позиция, отвер-

---

²⁰ Там же. С. 245-246.

²¹ Там же. С. 254

гавшая позитивистский сциентизм и немецкий неокантианский идиографизм, при своеобразном решении проблемы специфики исторического познания. Осознав особенность, но в то же время единство описания и объяснения, повествования и обобщения в науках о культуре, российские ученые предлагали такой путь исторического познания, в котором выражается формирование специфических свойств и связей вещей, определяющих их сущность и своеобразие.

Суммируя особенности развития историко-теоретической мысли в России в начале XX века, можно это движение определить как *русский идеалистический историзм*, подчеркивая этим как антипозитивистскую реакцию, так и критицизм в отношении материалистического понимания истории, и как этап эволюции в сравнении с немецким неокантианством и его Баденской школой.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бердяев Н.А.* Этическая проблема в свете философского идеализма // Проблемы идеализма: сб. статей. М., 1902.
- Булгаков С.Н.* Под знаменем университета. Вступительная лекция в Московском университете // Вопросы философии и психологии. 1906. № 85.
- Виндельбанд В.* Прелюдии: философские статьи и речи. СПб., 1904.
- Грот Н.Я.* Основные моменты в развитии новой философии. М., 1894.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. СПб. 1910. Вып. 1.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Основные принципы социологической доктрины О. Конта // Проблемы идеализма : сб. статей. М., 1902.
- Лопатин Л.* Типические системы философии. Научное мировоззрение и философия. // Вопросы философии и психологии. 1906. № 83.
- Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И.Н. Грифцовой, Н.А. Дмитриевой. М.: РОССПЭН, 2010.
- Новгородцев П.И.* Нравственный идеал в философии права // Проблемы идеализма: сб. статей. М., 1902.
- Предисловие // Проблемы идеализма : сб. статей / под ред. П.И. Новгородцева. М.: Изд. Московского психологического общества, 1902.
- Риккерт Г.* Введение в трансцендентную философию. Предмет познания. Киев, 1904.
- Риккерт Г.* Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. СПб., 1903.
- Риккерт Г.* Понятие философии // Логос. 1910. Кн. 1.
- Риккерт Г.* Философия истории. СПб., 1908.
- Рожков Н.О.* О «Проблемах идеализма» // Вопросы философии и психологии. 1903. № 67.

Сеницын Олег Владимирович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой исторического образования Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета; olvsin@yandex.ru